

Выяснив вопрос о сущности правоотношения, мы можем перейти к рассмотрению отдельных его элементов. Элементами всякого правоотношения являются: правомочие, обязанность, субъект, обладающий правом, и объект права. Начнем с выяснения сущности правомочия. Прежде всего нам необходимо познакомиться с теми решениями этого вопроса, которые дают так называемая волевая теория права и теория интересов, представителем которой является Иеринг.

По смыслу волевой теории, сущность права, как объективного, так и субъективного, сводится к воле. Правовые нормы служат выражением воли того народа или общества, среди которого они действуют; правомочие же лица есть та сфера, в которой господствует индивидуальная воля, защищенная нормами объективного права. По этой теории правоспособность совпадает с волеспособностью. При такой несовершенной формулировке волевой теории Иерингу, разумеется, нетрудно было доказать ее негодность. Нелепо, например, отождествление правомочия с волей лица, потому что есть много лиц, обладающих правами, но не имеющих сознательной воли; таковы дети, сумасшедшие. Некоторые права признаются даже за человеческим зародышем. Нелепо было бы утверждать, например, что право грудного ребенка на наследство есть выражение его воли. Нельзя также понимать право ребенка в смысле выражения его будущей воли. Воля обладать наследством может вовсе не возникнуть, если, например, ребенок родился кретином или помешанным, а право на наследство тем не менее останется за ним. Но положим даже, что ребенок будет совершенно здоров; все же и в этом случае право может находиться в противоречии с его волей. Если, например, наследство, которое он получит, обременено долгами и ничего, кроме хлопот и неприятностей, доставить не может, то очевидно, что право на такое наследство не будет соответствовать воле наследника; однако оно в силу этого не перестанет быть правом.

На основании всех этих соображений Иеринг пришел к убеждению, что не воля, как утверждала волевая теория, а интерес лица составляет сущность правомочия. Право, по учению Иеринга, складывается из двух элементов: материального, под которым разумеется интерес, выгода лица, обеспечиваемая правом, и формального, который состоит в защите или охране интересов лица против всяких возможных посягательств.

Право в субъективном смысле, с этой точки зрения, определяется как защищенный интерес.

Нетрудно, однако, убедиться в ошибочности и этой теории. Дело в том, что можно привести целый ряд случаев, когда интерес и право лица далеко не совпадают и даже прямо противоречат друг другу. Положим, что я получаю в наследство собственность, обремененную долгами. В этом случае я заинтересован не в сохранении, а в прекращении права собственности. Доказательством того, как часто право наследования не совпадает с интересами наследника, является, между прочим, тот факт, что в Риме существовал институт принудительного наследства (*heres suns et pecessarius*). Право на наследство, вместо того чтобы быть выражением интереса лица, может послужить источником его разорения или даже гибели. Я могу получить в наследство зараженное дифтеритом одеяло, которое ничего, кроме страданий, не может мне доставить. Нечего говорить о том, что я могу получить по наследству вещь, не имеющую для меня никакого значения, например рукопись самого нелепого содержания, старую зубочистку и т. п.

Да и кроме наследования, есть различные способы приобретения прав, не имеющих ничего общего с нашими интересами или даже прямо отяготительных. Так, например, вместе с правом на купленное мной имение я приобретаю право на болото, которое своими гнилостными испарениями отравляет воздух и вредно влияет на мое здоровье, но за которое мне, может быть, приходится платить налог в казну. Я приобретаю также право на сусликов и мышей, объедающих мой хлеб, на лисиц, пожирающих мою домашнюю птицу, и на зайцев, портящих мои плодовые деревья. Наконец, в сфере чисто личных прав сплошь да рядом встречаются права, несогласные с интересами тех, кому они принадлежат. Далек не всегда, например, муж заинтересован в своих супружеских правах, отец — в родительских. Если бы интерес составлял сущность правомочия, то прекращение интереса непременно влекло бы за собой уничтожение права. В действительности мы этого, однако, не видим. Как бы муж ни желал прекращения своих супружеских прав, они, если ему не удастся добиться развода, продолжают существовать вопреки его интересу.

Итак, мы должны прийти к заключению, что теория интересов, предложенная Иерингом, так же неосновательна, как и опровергнутая им волевая теория права. Право в субъективном смысле не есть ни выражение воли лица, ни защищенный юридическими нормами интерес. Оно есть та сфера внешней свободы, которая отводится отдельному лицу нормами субъективного права. При таком определении субъективного права отпадают все затруднения, связанные с разобранными нами теориями. Цель права согласно предложенному определению состоит в том, чтобы очертить ту сферу внешней свободы лица, в которую не должны вторгаться другие лица. Предоставляя лицу правомочие, право не спрашивает, соответствует ли это правомочие интересам данного лица, выгодно ли оно ему или нет.

Так, например, закон, предоставляя мне право на болото, не интересуется тем, на пользу или во вред послужит мне эта собственность. Я могу найти в этом болоте целебные ключи и благодаря этому обогатиться или же могу схватить малярию — праву до этого нет никакого дела. Все содержание права сводится к запрещению другим лицам вторгаться в сферу моей внешней свободы, в данном случае — к воспреещению препятствовать мне распоряжаться моим болотом. Другой пример, приводимый В. Соловьевым, служит также наглядным доказательством того, что содержание права в субъективном смысле сводится к свободе лица. Закон ограждает частное жилище каждого человека от вторжения непрошенных посетителей. Я могу запереться в своем доме на ключ и никого не пускать к себе, и закон будет защищать мое право. При этом закону безразлично, с какой целью я это делаю. Я могу искать одиночества, чтобы заниматься научными работами, но могу также запираюсь, чтобы наедине напиваться водкой. Право одинаково ограждает меня как от тех непрошенных гостей, которые пришли помешать моим научным занятиям, так и от тех друзей, которые, зная мою слабость, пришли, чтобы удержать меня от вредного для моего здоровья порока. Если бы право имело в виду мой интерес, мою выгоду, то, разумеется, оно должно было бы допустить ко мне друзей, желающих спасти меня от гибели. В действительности же и в данном случае содержанием правомочия является вовсе не мой интерес, а единственно моя свобода.

Против всего сказанного у защитников теории интересов остается в запасе еще один аргумент, на который мы и постараемся теперь отвечать, а именно — их вечная ссылка на детей и сумасшедших. Дети и умалишенные, говорят они, не могут обладать свободой распоряжаться собой и своим имуществом, так как такая свобода предполагает сознательную волю, способную определяться разумными целями; между тем они обладают правами. Стало быть, содержанием их прав является не их свобода, коей они иметь не могут, а их интересы, которые вовсе не предполагают сознания и способности разумного самоопределения. Предоставляя детям и безумным имущество, право охраняет вовсе не их свободу — располагать своим имуществом, а их интересы — есть, пить, одеваться и т. п. Стало быть, нельзя отождествлять правомочие со свободой, предоставляемой нормами объективного права.

Приведенный аргумент защитников теории интересов так же неубедителен, как и все прочие их доводы. В самом деле, ясно, что у малолетних и сумасшедших могут быть такие права, которые ничего общего с их интересами не имеют и даже противоречат им. Идиот или кретин может обладать библиотекой философских произведений. У сумасшедшего может быть имение, которое не представляет для него никакого интереса вследствие того, что оно обременено долгами. Профессор Петражицкий правильно замечает, что ссылка на сумасшедших и детей не подтверждает, а скорее опровергает теорию интересов. В самом деле, что бы мы ни понимали под словом интересы: будут ли это цели, которые действительно преследуются людьми, или же те разумные, нормальные цели, к которым они должны стремиться, мы увидим, что

содержание права детей и безумных отнюдь не сводится к их интересам.

В самом деле, право не признает и не защищает неразумных, противоестественных интересов детей и сумасшедших. Иной ребенок заинтересован в том, чтобы играть спичками или бить свою няню. Иной сумасшедший заинтересован в том, чтобы ему воздавались божеские почести или признавались его права на испанский престол. Право не признает и не считается с этими интересами. Поэтому содержанием правомочий детей и сумасшедших не могут считаться те интересы и цели, к которым они в действительности стремятся.

То же самое должно сказать и об их "нормальных, разумных", интересах. Дело в том, что само понятие "разумного" и "нормального" интереса чрезвычайно неопределенно. Что собственно следует понимать под нормальным интересом лица? Очевидно, что на этот вопрос может быть столько же различных ответов, сколько существует различных пониманий задач и целей человеческой жизни. С точки зрения последовательного христианства, интерес всякого человека состоит в том, чтобы имущество его было употреблено на пользу ближнего. Если мы станем на точку зрения Ницше или Макса Штирнера,³⁸ то нормальными интересами окажутся интересы чисто эгоистические. Спрашивается: какие же интересы суть "нормальные" и какие именно составляют содержание права — эгоистические или альтруистические, вытекающие из себялюбия или из бескорыстной любви к ближнему? Очевидно, что ни те, ни другие, а единственно только интерес — человеческой свободы. Подчиняя ребенка опеке, право кладет предел осуществлению как эгоистических, так и альтруистических интересов ребенка: оно заботится о том, чтобы его имущество не было растрчено ни для тех, ни для других. Закон в данном случае охраняет не интересы ребенка, признаваемые им за разумные и нормальные, а единственно свободу ребенка от посторонней эксплуатации в настоящем и его свободу распорядиться своим имуществом в будущем, в зрелом возрасте, если он такового достигнет.

Утверждение, будто ребенок или сумасшедший не может пользоваться свободой, предоставляемой правом, так как не обладает разумной волей, также неосновательно. Свобода, предоставляемая правом, выражается, во-первых, в том, что объективное право устраняет ряд важнейших препятствий к осуществлению лицом определенных целей и ограждает его независимость против посторонней эксплуатации, а во-вторых, в том, что оно предоставляет ему условную возможность самоопределения, т. е. возможность самостоятельного осуществления своих целей. Из тех целей человеческого существования, которые признаются и защищаются правом, далеко не все предполагают разумную, сознающую себя волю. Для того чтобы не быть чужим рабом, чтобы существовать и пользоваться известными материальными благами, вовсе не нужно обладать зрелым и здравым рассудком: цели эти вполне доступны ребенку и

умалишенному. Признавая, что никто не должен покушаться на жизнь этих лиц, что они могут пользоваться известным имуществом и что они не должны быть ничьими рабами, право тем самым признает, что они — свободны жить, свободны в известных пределах пользоваться закрепленными за ними материальными благами и что в качестве лиц свободных они не могут быть низводимы на степень вещи, т. е. быть обращены в средства для чужих целей. Сказать, что всякий человек есть субъект прав, — значит сказать, что всякий человек в известных пределах есть свободное лицо. Умалишенным и детям недоступны только высшие проявления юридической свободы — свобода самостоятельно совершать юридические акты и вообще все те действия, которые предполагают зрелый, развитый рассудок. Но и эта свобода предоставляется им условно, одним — по выздоровлении, другим — по достижении ими зрелого возраста.

Устранив, таким образом, те возражения, которые приводятся обыкновенно против определения субъективного права как внешней свободы, обратимся к рассмотрению вопроса о тех лицах, которым принадлежат правомочия, — о субъектах права.